

КУРГАН 21 МОГИЛЬНИКА ФИЛИППОВКА I: ПРЕДМЕТЫ КОНСКОГО СНАРЯЖЕНИЯ И ДАТА КОМПЛЕКСА

© 2018

Мышкин Владимир Николаевич, кандидат исторических наук,
заведующий археологической лабораторией

Самарский государственный социально-педагогический университет (г. Самара, Российская Федерация)

Аннотация. В данной статье рассматриваются предметы конской амуниции, обнаруженные около кургана 21 могильника Филипповка I в Оренбургской области с целью установления времени сооружения этого кургана. Курганный могильник Филипповка I являлся некрополем социальной элиты кочевников, населявших степи Южного Приуралья в середине I тыс. до н.э. Богатство погребального инвентаря и сложность обрядовых действий, совершавшихся при возведении курганов, делают возможным изучение многих сторон истории и культуры этих племен. Это определяет важность всестороннего изучения материалов данного могильника. Набор предметов конского снаряжения, найденный около филипповского кургана 21, состоит из двух уздечных бляшек, псаля и украшения налобного ремня узды. Некоторые из этих предметов имеют близкие аналогии среди деталей конской амуниции из скифских памятников Северного Причерноморья, датированных по импортным вещам. Данные аналогии позволяют датировать курган 21 могильника Филипповка I временем в пределах IV в. до н. э. Наличие налобника в виде головы грифона и уздечной бляшки в виде головы волка фиксирует существование культурного взаимодействия кочевников, оставивших могильник Филипповка I, с западным скифским миром Северного Причерноморья.

Ключевые слова: ранний железный век; степи; Южное Приуралье; бассейн реки Урал; кочевые скотоводческие племена; могильник; курган; погребение; социальная элита; всадники; снаряжение коня; жертвенный комплекс; узда; псалий; уздечные бляшки; украшение налобного ремня; хронология; дата; этнокультурные связи.

Археологическими экспедициями под руководством А.Х. Пшеничникова и Л.Т. Яблонского были осуществлены раскопки курганного могильника Филипповка I в Оренбургской области, который являлся некрополем социальной элиты кочевников, населявших степи Южного Приуралья в середине I тыс. до н.э. Материалы, полученные в результате этих работ, в большинстве своем опубликованы [1–6]. В научный оборот был введен огромный пласт данных, который позволяет изучать очень многие аспекты истории и культуры степных племен Южного Приуралья. Результаты исследования этих находок нашли отражение в значительном количестве публикаций [см., например: 7–19]. При этом круг проблем, требующих дальнейшей разработки, продолжает оставаться весьма обширным. Одна из них – проблема определения времени возведения каждого из курганов, составляющих этот могильник, и периода функционирования некрополя в целом. Л.Т. Яблонский полагал, что все курганы могильника могут быть датированы второй половиной V–IV в. до н.э. [3, с. 262; 4, с. 173]. По мнению А.Х. Пшеничникова, исследованные им курганы могильника Филипповка I следует датировать самым началом IV века до н.э. [2, с. 87].

Публикуемая статья посвящена анализу предметов конской амуниции, обнаруженных около кургана 21 с целью установления времени его сооружения.

Курган 21 могильника Филипповка I располагался в 200 м к юго-востоку от кургана 22. Его насыпь была практически полностью сnivelирована в результате раскопки. Раскопан в 2010 г. по Открытому листу И.В. Рукавишниковой. В кургане обнаружено единственное погребение, которое было совершено в могильной яме, имевшей в плане прямоугольную форму и узкую подбойную нишу в восточной стенке. Оно оказалось полностью ограбленным, поэтому какие-либо вещи при его исследовании не обнаружены.

Севернее насыпи были найдены предметы конского снаряжения (рис. 1: 1–4). Не исключено, что эти вещи оказались перемещенными за пределы кургана в результате его раскопки [5, с. 176–177]. Возможно также их преднамеренное размещение в качестве жертвенного комплекса на околокурганном пространстве.

Обнаруженный набор состоял из четырех предметов: двух бляшек, псаля и украшения налобного ремня оголовья (налобника).

Одна из найденных бляшек изготовлена из бронзы в виде фигуры лежащего оленя, изображенного в профиль (рис. 1: 1). Голова оленя опущена вниз, нижняя часть морды при этом соприкасается с вытянутой передней ногой. Рога выполнены как сегмент с тремя сквозными отверстиями. Глаз выделен рельефом и ему придана подтреугольная форма, нос и рот обозначены углублениями, ухо длинное, приоткрытое. На плече и бедре имеются углубления в виде запятой, короткий хвост прижат [5, с. 177: № 2155]. Наиболее близкие аналогии этому изображению – фигуры лежащих козлов, вырезанные на костяных подвесках сбруи из жертвенного комплекса 1 кургана 4 могильника Филипповка I [5, с. 77: № 90, 91]. Сходное расположение ног имеет одно из изображений оленя, происходящее из кургана 1 этого же могильника. В этом же кургане обнаружена золотая бляшка в виде головы оленя с близким по стилистике изображением рогов [20, табл. 5: 9, 18].

Вторая бляшка рассматриваемого набора отлита из бронзы в виде головы волка с открытой пастью (рис. 1: 2). В качестве наиболее близких аналогий данной находке можно назвать уздечные бляшки из кургана 491 могильника у с. Макеевка в степном Поднепровье. Этот погребальный комплекс В.Г. Петренко отнесла по совокупности находок, в том числе по самосскому лекифу, датированному рубежом VI–V вв. до н.э., а также чернофигурному ки-

лику и чернолаковой вазочке начала V в. до н.э. к первой половине V в. до н.э. [21, с. 29, 31, табл. 13, 1]. Стилистика изображений на филипповском и макеевских уздечных украшениях одина. Волчья голова изображена в профиль, с открытой прорезной пастью, в которой выделены выступающие и заходящие друг за друга клыки. Отсутствует изображение других зубов, глаза показаны округлыми выпуклостями, обведенными валиком, губы переданы валиком. Кроме того, близкую схему изображения головы хищного животного демонстрируют четыре бляшки в виде головы льва, обнаруженные в гробнице 14 кургана 32 некрополя Нимфея. Сбруя из этой гробницы датирована временем в пределах первых трех четвертей V в. до н.э. [22, с. 85–86, рис. 48: 1–2]. По аналогичной схеме выполнены также изображе-

ния львиных голов на уздечных бляшках, найденных в кургане 499 могильника у с. Басовка в Поднепровье. Этот курган датирован В.А. Ильинской первой половиной V в. до н.э. [21, с. 46, табл. 26: 15]. Приведенные аналогии фиксируют время существования данной изобразительной традиции в Скифии в V в. до н.э., по крайней мере, в пределах первых трех четвертей этого столетия. Интересно также, что в подборке Богданова профильных изображений голов хищных животных на уздечных бляшках преобладают (одиннадцать из тринадцати) находки, сделанные при исследовании памятников, расположенных к западу и юго-западу от территории местонахождения могильника Филипповка I: в междуречье Волги и Дона, на Дону, в Прикубанье, Поднепровье, Крыму [23, с. 225, табл. CXIV: 1–13].

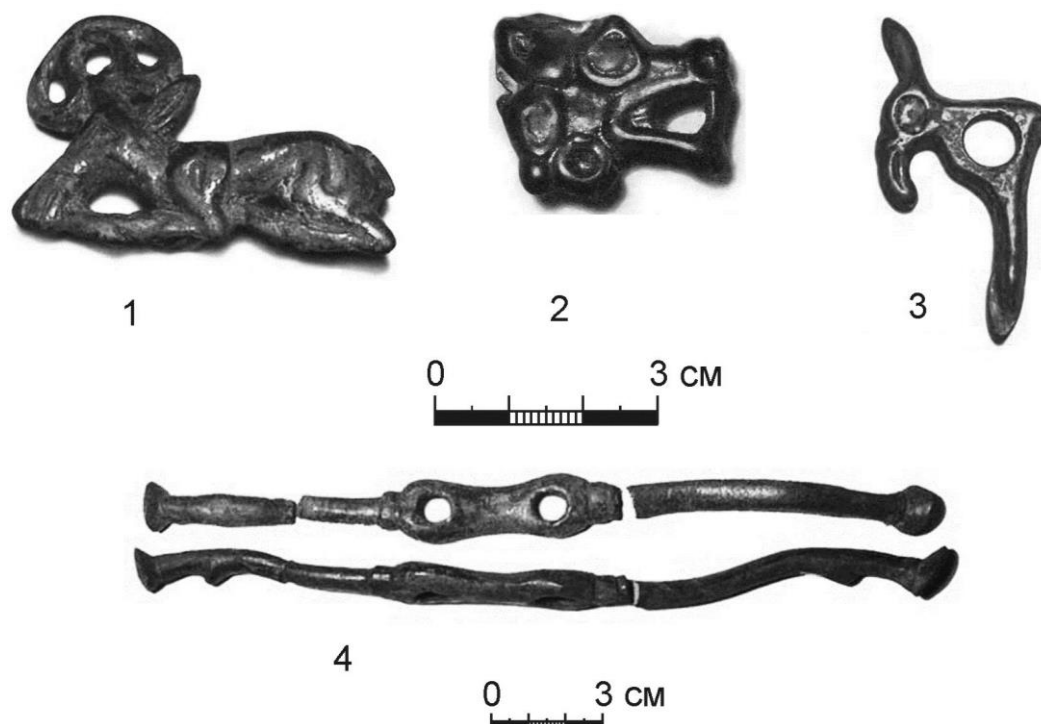

Рисунок 1 – Бронзовые принадлежности снаряжения коня, обнаруженные около кургана 21 могильника Филипповка I: 1–2 – бляшки, 3 – налобник, 4 – псалий (рисунки по [5, с. 177: № 2154–2157])

Существенным для определения времени изготовления и использования бляшки из кургана 21 могильника Филипповка I представляются некоторые особенности оформления, отличающие ее от наиболее близких аналогий – бляшек из кургана 491 могильника у с. Макеевка. В частности, в основании волчьей головы на бляшке из кургана 491 могильника у с. Макеевка помещено изображение головы грифона в профиль, расположенной клювом вверх [21, с. 31, табл. 13: 1]. Она развернута клювом вверх. Круглый глаз, расположенный в нижней части основания волчьей головы, передан так же, как и глаз волка, округлой выпуклостью, ограниченной кольцевидным валиком. Выше глаза выступом показана восковица, а в районе волчьего загривка несколькими изогнутыми валиками изображен клюв. На филипповской бляшке в этой же части волчьей головы изображен кольцевидный валик, а выше, в районе загривка, – округлая выпуклость и далее еще один кольцевидный валик. Создается впечатление, что филипповская бляшка отливалась по образцу, на котором изображение головы грифона не было понят-

ным и четким и при этом отсутствовало понимание смысла этого фрагмента общей композиции. Поэтому вместо головы грифона изображены два кольцевидных валика и выпуклость. Это позволяет предположить, что она отливалась и использовалась в период, когда уже произошла или происходила утрата первоначального смысла подобных изображений. В таком случае время отливки и использования филипповской бляшки приходится на финальный период хронологического отрезка, когда в Скифии использовались подобные украшения, либо на последующий период, то есть на конец V и какое-то время на протяжении IV в. до н.э.

Следующий предмет, входивший в набор – бронзовый псалий (рис. 1: 4), представляющий собой прямой стержень длиной 23 см с двумя отверстиями и утолщениями на окончаниях. Он относится к тому типу, время использования которого в отечественной литературе определяется широким хронологическим диапазоном. А.И. Мелюкова отмечает, что такие псалии на правобережье лесостепного Поднепровья, в Воронежской области и Южной Сибири появились

в V в. до н.э. Широко они использовались и в IV–III вв. до н.э. Однако все ранние псалии в лесостепном Северном Причерноморье имеют сравнительно небольшую длину (10–13 см). Псалии этого типа, имеющие большую длину, сопоставимую по размерам с рассматриваемым филипповским экземпляром, происходят из таких царских курганов Нижнего Поднепровья как Гайманова могила, Чертомлык, Мелитопольский курган, Толстая Могила, Башмачка, Краснокутский курган [24, с. 58]. Все эти памятники датированы серединой – второй половиной IV в. до н.э. [25, с. 296–297].

На территории Южного Приуралья такие псалии обнаружены в кургане у хут. Веселый близ с. Ак-Булак, который К.Ф. Смирнов датировал IV в. до н.э. [26, с. 86, рис. 48: 4, 5]. По мнению В.Н. Васильева, наиболее вероятной датой двудырчатых прямых стержневидных псалиев, найденных в кочевнических курганах Южного Приуралья, является вторая половина IV в. до н.э. [27, с. 155]. С.В. Сиротин датировал курган 10 могильника Переволочан, в котором были обнаружены 4 двудырчатых псалия в виде прямого стержня, временем в пределах второй половины IV в. до н.э. [28, с. 259]. Таким образом, псалий из набора находок, найденных около филипповского кургана 21, указывает на то, что время совершения захоронения приходится на IV в. до н.э., возможно, его вторую половину.

В пользу IV в. до н.э. как наиболее вероятной даты этого погребального комплекса свидетельствует четвертая вещь, составлявшая жертвенный комплекс. Этот предмет охарактеризован в каталоге находок из Филипповки, опубликованном Л.Т. Яблонским, как подвеска – деталь конского снаряжения (рис. 1: 3), которая представляет собой скульптурное изображение ушастого грифона с длинным загнутым клювом, расположенными почти вертикально длинными ушами, опущенными вертикально вниз крыльями и отверстием для продевания ремня в центральной части туловища [5, с. 177: № 2157]. Такие украшения налобного ремня конской узды (налобники) получили достаточно широкое распространение в Скифии во второй половине IV в. до н.э. [29, с. 85]. В качестве наиболее близкой аналогии филипповской находке следует указать налобник из кургана Чертомлык [29, рис. 56: 7, с. 85]. Дата этого погребального комплекса располагается в хронологическом диапазоне между 350 и 300 гг. до н.э. [25, с. 297]. Такие же уздечные украшения найдены в Мелитопольском кургане, дата которого 350–320 гг. до н.э. [25, с. 297], в составе узды коня 1 в северной могиле кургана Толстая Могила [30, с. 274], отнесенного к периоду в пределах 350–320 гг. до н.э. [25, с. 264], в погребении коня в скифском кургане (к. 6/км. 1) у пос. Днепрорудный, датированном второй половиной IV до н.э. [31, рис. 3, с. 325, 328]. Аналогичное украшение обнаружено в составе узды коня 4 в конском погребении, связанном с впускным царским погребением кургана Солоха [32, с. 112–113, кат. 117]. Время совершения этого захоронения отнесено к рубежу V–IV вв. до н.э. [32, с. 117–121], первой четверти IV в. до н.э. [25, с. 261, 296], началу второй четверти – середине IV в. до н.э. [33, с. 126–127]. Первой половиной IV в. до н.э. датирован набор украшений снаряжения коня 2, в том числе и налобник рас-

сматриваемого типа, из конского захоронения в Братолюбовском кургане [34, с. 28–30, рис. 2: 5].

Следует отметить наличие таких же уздечных принадлежностей в составе конского снаряжения в кургане 13 могильника Горки I на Среднем Дону. Этот памятник по комплексу вещей датирован серединой – второй половиной IV в. до н.э. [35, с. 46, рис. 8: 16]. На Нижнем Дону подобный налобник найден при исследовании кургана у пос. Шолоховский, сооруженного не позднее начала IV в. до н.э. [36, с. 140, 130, рис. 58: 6].

Выводы

Предметы конской амуниции, найденные около кургана 21 могильника Филипповка I и связанные с погребальными действиями, совершавшимися при его сооружении, позволяют датировать его временем в пределах IV в. до н.э. Следует также отметить, что наличие некоторых вещей, в частности, налобника в виде головы ушастого грифона и уздечной бляшки в виде головы волка, фиксируют существование этнокультурного взаимодействия кочевников, оставивших могильник Филипповка I, с западным скифским миром Северного Причерноморья.

Список литературы:

1. Пшеничнюк А.Х. Раскопки «царского» кургана на Южном Урале. Препринт доклада. Уфа: БНЦ УрО АН СССР, 1989. 31 с.
2. Пшеничнюк А.Х. Филипповка: Некрополь кочевой знати IV века до н.э. на Южном Урале. Уфа: ИИЯЛ УНЦ РАН, 2012. 280 с.
3. Яблонский Л.Т. Новые раскопки Филипповского I курганного могильника // Археология Восточно-европейской степи: межвуз. сб. науч. тр. Вып. 6. Саратов: Научная книга, 2008. С. 253–268.
4. Яблонский Л.Т. Новые раскопки Филипповского могильника и проблема формирования раннесарматской культуры Южного Приуралья // Ранние кочевники Южного Приуралья в свете новейших археологических открытий: мат-лы междунар. науч. конф. Оренбург, 21–25 апреля 2008 г. Оренбург: Изд-во ОГПУ, 2008. С. 170–176.
5. Яблонский Л.Т. Золото сарматских вождей. Элитный некрополь Филипповка I (по материалам раскопок 2004–2009 гг.). Каталог коллекции. Кн. 1. М.: ИА РАН, 2013. 232 с.
6. Яблонский Л.Т., Мещеряков Д.В. Раскопки царского кургана в Филипповке (предварительное сообщение) // Российская археология. 2007. №2. С. 55–62.
7. Балахванцев А.С., Яблонский Л.Т. Ахеменидская эмаль из Филипповки (проблема хронологии памятника) // Российская археология. 2007. №1. С. 142–149.
8. Анисеева О.В. Каменные бусы из Филипповского и прохоровского могильников // Ранние кочевники Южного Приуралья в свете новейших археологических открытий: мат-лы междунар. науч. конф. Оренбург, 21–25 апреля 2008 г. Оренбург: Изд-во ОГПУ, 2008. С. 18–28.
9. Анисеева О.В. «Оселки» – пробирные камни из Филипповки // Археология и палеоантропология Евразийских степей и сопредельных территорий. М.: Таус, 2010. С. 192–206.
10. Лылова Е.В. Серьги из I Филипповского курганного могильника // Ранние кочевники Южного

Приуралья в свете новейших археологических открытий: мат-лы междунар. науч. конф. Оренбург, 21–25 апреля 2008 г. Оренбург: Изд-во ОГПУ, 2008. С. 85–90.

11. Рукавишников Д.В., Рукавишникова И.В. Допсех из погребения 2 кургана 4 могильника Филипповка I (интерпретация комплекса и реконструкция первоначального облика) // Ранние кочевники Южного Приуралья в свете новейших археологических открытий: мат-лы междунар. науч. конф. Оренбург, 21–25 апреля 2008 г. Оренбург: Изд-во ОГПУ, 2008. С. 105–116.

12. Трейстер М.Ю. произведения торевтики ахеменидского стиля и на «ахеменидскую тему» в сарматских погребениях Прохоровского и Филипповского курганных могильников в Южном Приуралье // Ранние кочевники Южного Приуралья в свете новейших археологических открытий: мат-лы междунар. науч. конф. Оренбург, 21–25 апреля 2008 г. Оренбург: Изд-во ОГПУ, 2008. С. 145–170.

13. Яблонский Л.Т. Новые раскопки Филипповского могильника и проблема формирования раннесарматской культуры Южного Приуралья // Ранние кочевники Южного Приуралья в свете новейших археологических открытий: мат-лы междунар. науч. конф. Оренбург, 21–25 апреля 2008 г. Оренбург: Изд-во ОГПУ, 2008. С. 170–177.

14. Кантарович А.Р., Яблонский Л.Т. О северо-причерноморских и северокавказских параллелях изображениям в скифо-сибирском зверином стиле на предметах из Филипповских курганов // Нижневолжский археологический вестник. Вып. 10 / отв. ред. А.С. Скрипкин, Л.Т. Яблонский. Волгоград: Изд-во ВолГУ, 2009. С. 73–99.

15. Рукавишникова И.В. Композиция Филипповского могильника и некоторые изображения пазырыкского звериного стиля // Нижневолжский археологический вестник / отв. ред. А.С. Скрипкин, Л.Т. Яблонский. Волгоград: Изд-во ВолГУ, 2009. Вып. 10. С. 100–118.

16. Рукавишникова И.В. Звериный стиль и мифологические сюжеты декора парадных мечей Евразии скифского времени (по материалам парадного меча из могильника Филипповка I и мечей из собрания ГИМ и ГЭ) // Константин Фёдорович Смирнов и современные проблемы сарматской археологии. Материалы IX Международной научной конференции «Проблемы сарматской археологии и истории», посвящённой 100-летию со дня рождения Константина Фёдоровича Смирнова. Оренбург, 12–15 мая 2016 г. / отв. ред. Л.Т. Яблонский, Л.А. Краева. Оренбург: Изд-во ОГПУ, 2016. С. 253–264.

17. Влияния ахеменидской культуры в Южном Приуралье (V–III вв. до н.э.) / под ред. М.Ю. Трейстера, Л.Т. Яблонского. М.: Таус, 2012. Т. 1. 672 с.

18. Влияния ахеменидской культуры в Южном Приуралье (V–III вв. до н.э.) / под ред. М.Ю. Трейстера, Л.Т. Яблонского. М.: Таус, 2012. Т. 2. 468 с.

19. Фризен (Куринских) О.И., Яблонский Л.Т. Шлем из могильника Филипповка 1 // Вестник древней истории. 2013. №4. С. 156–173.

20. Королькова Е.Ф. Звериный стиль Евразии. Искусство племён Нижнего Поволжья и Южного Приуралья в скифскую эпоху (VII–IV вв. до н.э.). Проблемы стиля и этнокультурной принадлежности. СПб.: Петербургское востоковедение, 2006. 272 с.

21. Галанина Л.К. Скифские древности Поднепровья (Эрмитажная коллекция Н.Е. Бранденбурга) // Свод археологических источников. Д1-33. М.: Наука, 1977. 68 с.

22. Силантьева Л.Ф. Некрополь Нимфея // Некрополи Боспорских городов. Материалы и исследования по археологии СССР. № 69 / отв. ред. В.Ф. Гайдукевич. М. – Л.: Изд-во Академия наук СССР, 1959. С. 5–107.

23. Богданов Е.С. Образ хищника в пластическом искусстве кочевых народов Центральной Азии (скифо-сибирская художественная традиция). Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2006. 240 с.

24. Мелюкова А.И. Краснокутский курган. М.: Наука, 1981. 112 с.

25. Алексеев Ю.А. Хронография Европейской Скифии VII–IV веков до н.э. СПб.: Изд-во Гос. Эрмитажа, 2003. 416 с.

26. Смирнов К.Ф. Вооружение савроматов // Материалы и исследования по археологии СССР. 1961. № 101. 162 с.

27. Васильев В.Н. К хронологии раннепрохоровского комплекса // Уфимский археологический вестник. Вып. 5 / отв. ред. В.Г. Котов, Н.С. Савельев, А.Х. Пшеничнюк. Уфа: Гилем, 2004. С. 153–172.

28. Сиротин С.В. Об относительной хронологии и датировке могильника Переволочан I // Константин Фёдорович Смирнов и современные проблемы сарматской археологии: мат-лы IX междунар. науч. конф. «Проблемы сарматской археологии и истории», посв. 100-летию со дня рожд. К.Ф. Смирнова. Оренбург, 12–15 мая 2016 г. / отв. ред. Л.Т. Яблонский, Л.А. Краева. Оренбург: Изд-во ОГПУ, 2016. С. 253–264.

29. Алексеев А.Ю., Мурзин В.Ю., Ролле Р. Чертомлык. Скифский царский курган IV в. до н.э. Киев: Наукова думка, 1991. 416 с.

30. Мозолевский Б.Н. Курган Толстая могила близ г. Орджоникидзе на Украине // Советская археология. 1972. № 3. С. 268–308.

31. Кузнецова Т.М., Кузнецов С.В. Курганы скифского времени у пос. Днепрорудный и с. Большая Белозерка (краткий очерк) // Древности Евразии от ранней бронзы до раннего средневековья. Памяти Валерия Сергеевича Ольховского / отв. ред. В.И. Гуляев. М.: Институт археологии РАН, 2005. С. 317–332.

32. Манцевич А.П. Курган Солоха. Л.: Искусство, 1987. 143 с.

33. Ильинская В.А., Тереножкин А.И. Скифия VII–IV вв. до н.э. Киев: Наукова думка, 1983. 380 с.

34. Бессонова С.С. Конские наборы Братолобовского кургана // Ранній залізний вік Евразії: до 100-річчя від дня народження О.І. Тереножкіна / отв. ред. С.А. Скорий. Киев, 2007. С. 27–30.

35. Гуляев В.И., Савченко Е.И. Новый памятник скифского времени на Среднем Дону // Археология Среднего Дона в скифскую эпоху: труды Донской (Потуданской) археологической экспедиции ИА РАН / отв. ред. В.И. Гуляев. М.: Институт археологии РАН, 2004. С. 35–60.

36. Максименко В.Е., Смирнов К.Ф. Горбенко А.А., Лукьяшко С.И. Курган у пос. Шолоховский. Богатые раннесарматские комплексы правобережья Дона. Приложение // Смирнов К.Ф. Сарматы и утверждение их политического господства в Скифии. М.: Наука, 1984. С. 124–141.

Работа выполнена при поддержке Российского научного фонда, проект №18-18-00137.

THE BARROW 21 OF THE BURIAL GROUND FILIPPOVKA I: ITEMS OF HORSE EQUIPMENT AND DATE OF THE COMPLEX

© 2018

Myshkin Vladimir Nikolaevich, candidate of historical sciences, head of Archaeological Laboratory
Samara State University of Social Sciences and Education (Samara, Russian Federation)

Abstract. This article deals with equestrian ammunition items found near the burial mound of the 21 Filipovka I burial ground in the Orenburg region in order to establish the time of construction of this burial mound. The burial mound Filipovka I was a necropolis of the social elite of nomads who inhabited the steppes of the Southern Urals in the middle of the 1st millennium BC. The richness of the funerary inventory and the complexity of the ritual actions performed during the erection of the burial mounds make it possible to study many aspects of the history and culture of these tribes. This determines the importance of a comprehensive study of the materials of this burial ground. Equipping a horse includes four bronze objects: two bridle plaques, check-piece and headband decoration bridle were found around the barrow 21 Filipovka I burial ground. Some of these items have close analogies among the details of equine ammunition from the Scythian monuments of the Black Sea North Littoral, dated by import items. The analogies that exist among the Scythian antiquities allow us to date the burial mound of the burial ground of Filipovka I during the time of the 4th century BC. The presence of such things as a headband in the form of a griffin head and a bridle plaque in the form of a wolf's head fixes the existence of the cultural interaction of nomads who left the burial ground of Filipovka I with the western Scythian world of the Northern Black Sea Coast.

Keywords: Early Iron Age; steppes; Southern Urals; Ural river basin; nomadic cattle-breeding tribes; cemetery; burial mound; barrow grave; social elite; horsemen; horse equipment; sacrificial complex; bridle; check-piece; bridle plaques; headband decoration; chronology; date; ethnocultural ties.

УДК 94 (470.23–25) «1882/1917»

Статья поступила в редакцию 25.06.2018

СОЦИАЛЬНАЯ ЗАЩИТА РАБОТНИЦ ПРОМЫШЛЕННЫХ ПРЕДПРИЯТИЙ САНКТ-ПЕТЕРБУРГА ВО ВТОРОЙ ПОЛОВИНЕ XIX – НАЧАЛЕ XX В. КАК ОДИН ИЗ АСПЕКТОВ ЖЕНСКОЙ ИСТОРИИ ПОВСЕДНЕВНОСТИ

© 2018

Северцева Ольга Валентиновна, преподаватель истории
*Выборгский институт (филиал) Ленинградского государственного университета им. А.С. Пушкина
(г. Выборг, Ленинградская область, Российская Федерация)*

Аннотация. В статье говорится о мерах социальной защиты работниц промышленных предприятий Санкт-Петербурга во второй половине XIX – начале XX в. Социальная защищенность является важной частью повседневной жизни любого человека, особенно женщин. Именно на их плечах лежит большая часть забот о семье и детях. Но законы, принимаемые в Российской империи в рамках фабричного законодательства, были направлены скорее на поддержку интересов промышленных предпринимателей, чем их работниц. Законодательные акты, которые должны были гарантировать женщинам-работницам социальную защиту, практически не соблюдались. Многие из этих законов даже были отменены более поздними нормативно-правовыми актами. Работницы так и не получили равную с мужчинами оплату труда. Продолжительность рабочего дня предприниматели также могли устанавливать практически по своему усмотрению, удлинняя его сверхурочными работами. Отпуск по беременности и по уходу за новорожденным, был гарантирован работницам только с 1912 г. Выплата пособий при получении травмы на производстве фактически зависела от желания и порядочности работодателя. Фабричная инспекция не являлась помощником в деле урегулирования взаимоотношений между работницами и хозяевами предприятий. Но самое главное, работницы фабрик и заводов Санкт-Петербурга во второй половине XIX – начале XX в. не получили реальной возможности на защиту своих интересов и прав, не нарушая законодательство.

Ключевые слова: повседневность; работницы; промышленные предприятия; Санкт-Петербург; социальная защита; фабричное законодательство; продолжительность рабочего дня; оплата труда; штрафы; сверхурочная работа; травмы на производстве; отпуск по беременности и уходу за ребенком; женская фабричная инспекция; защита прав.

Повседневная жизнь женщин становится одной из актуальнейших тем в современных исследованиях истории повседневности. «Обращение к изучению повседневной жизни представительниц различных профессиональных групп в те или иные периоды российской истории помогает выделить как профессиональные, так и гендерные факторы в социальном положении людей, занятых в определенной сфере деятельности» [1, с. 10].

Женщины, трудящиеся на промышленных предприятиях Санкт-Петербурга, как и всей России, во второй половине XIX – начале XX в. являлись одной

из самых незащищенных категорий работников. Они получали меньшую заработную плату по сравнению с мужчинами [2, с. 99]. Продолжительность рабочего дня фактически была одинаковой для мужчин и женщин. Трудились и в выходные, и в праздничные дни, оставались и на сверхурочную работу [3, с. 77; 4, с. 29]. Женщинам приходилось работать на предприятии практически до последнего дня беременности, а иногда роды происходили прямо в мастерских [4, с. 42]. До 1912 г. они не имели законного отпуска по беременности и по уходу за новорожденным. Длительное нахождение в антисанитарных мастер-